

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ
НАБОКОВ

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

ВОСПОМИНАНИЯ

Владимир Дмитриевич Набоков

Русская революция. Временное правительство. Воспоминания

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67064082

Временное правительство. Воспоминания: Центрполиграф; Москва;

2022

ISBN 978-5-227-09815-3

Аннотация

Воспоминания известного политика, лидера Конституционно-демократической партии (партии Народной свободы) Владимира Дмитриевича Набокова о событиях 1917 года в Петрограде: Февральской и Октябрьской революциях, деятельности Временного правительства и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, людях и исторических фактах...

В. Д. Набоков начал работу над мемуарами в 1918 году, когда все было еще живо в памяти, полагая, что его свидетельство – очевидца и участника происходящего – будет интересно грядущим поколениям. И оказался прав – книга его воспоминаний представляет несомненный интерес для каждого, кто хочет знать историю своего Отечества.

В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Предисловие	7
I	17
II	22
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Владимир Набоков
Временное правительство.
Воспоминания

© «Центрполиграф», 2022

Предисловие

Владимир Дмитриевич Набоков в современной России известен прежде всего как отец знаменитого писателя Владимира Набокова. Знатоки истории вспомнят, что Набоков-старший был видным кадетом, после революции эмигрировал и погиб, спасая своего товарища по партии Павла Милюкова от пули террориста.

Между тем в начале XX века Владимир Дмитриевич Набоков был одной из ярчайших фигур российской политики. Сын министра юстиции, блестяще образованный юрист, профессор юриспруденции, придворный, имевший чин камер-юнкера, и... оппозиционер, не раз подвергавшийся гонениям за свои убеждения. Все это прекрасно сочеталось в одном человеке...

Еще студентом Санкт-Петербургского университета он был впервые арестован «за политику», но все же получил возможность окончить курс и даже был командирован в Германию, в Галльский университет для научной подготовки на кафедре уголовного права. Вернувшись, Набоков в 1894 году поступает на престижную службу в Государственную канцелярию, а через два года начинает преподавать в Императорском училище правоведения, пишет научные работы и статьи по уголовному праву, получает звание профессора... Его деятельная натура находит себе применение и в земской

работе, популярной у либеральной интеллигенции: на рубеже веков Набоков – активный участник земских организаций, решавших практические вопросы «обустройства жизни» в России. Поле для применения своих сил самое широкое...

Однако, когда политический эмигрант П.Б. Струве начинает в 1902 году издавать за рубежом оппозиционный журнал «Освобождение» с целью нелегального распространения его в России, Набоков сразу же становится постоянным сотрудником редакции журнала. В 1903–1904 годах сторонники идей журнала «Освобождение» создают политическое движение Союз освобождения, ставившее целью добиваться политических свобод в Российской империи. Владимир Дмитриевич – активный участник нового Союза.

Осенью 1904 года Союз освобождения принимает решение выйти из подполья и начать открытую борьбу за свободу, народное представительство и введение конституции. Революция 1905 года подстегивает развитие событий, Союз освобождения объединяется с другими общественными союзами (Союзом земцев-конституционалистов и пр.) и приступает к созданию Конституционно-демократической партии, одной из крупнейших политических партий в дореволюционной России. Владимир Дмитриевич Набоков входит в число ее основателей и лидеров, его избирают товарищем (заместителем) председателя Центрального комитета партии, он становится редактором издания «Вестник Партии народной

свободы», идеологом новой политической силы.

Конечно, оппозиционная деятельность В.Д. Набокова оказалась на виду и не могла вызвать симпатии в правительственных кругах. В 1905 году его лишают придворного чина камер-юнкера, потом запрещают ему преподавательскую деятельность в Императорском училище правоведения.

Но Набоков был уже слишком серьезно занят политикой, чтобы пойти на попятную. Его популярность в либеральной среде росла...

В 1906 году он был избран членом Первой Государственной думы от Санкт-Петербурга. Депутаты первого состава Думы, прозванной за оппозиционный настрой Думой народного гнева, видели свою задачу не столько в совместной работе с царским правительством, сколько в борьбе с ним на неутихающих волнах революционных событий. Противоречия оказались неразрешимыми, и через 72 дня Дума была распущена с одновременным объявлением новых выборов.

Но за этот период В.Д. Набоков, как представитель кадетской фракции, самой крупной и влиятельной в Думе, успел подняться на трибуну 28 раз, и каждая его речь становилась событием. Особое впечатление на общество произвело выступление, в котором он бросил правительству вызов, поставив депутатов Думы, как законодательную власть, выше исполнительной власти страны. «...С точки зрения принципа народного представительства мы можем только сказать одно: исполнительная власть да покорится власти законода-

тельной...»

Но новый министр внутренних дел Петр Аркадьевич Столыпин, назначенный на этот пост в апреле 1906 года, не желал «покоряться» оппозиционной Думе, настроенной на конфронтацию, напротив, утверждал, что «надлежит справедливо и твердо охранять порядок в России». Вот только представления об этом порядке у министра внутренних дел и думской оппозиции были разные.

После роспуска Первой думы В.Д. Набоков оказался в числе депутатов, подписавших в знак протеста Выборгское воззвание – обращение к народу с призывом защитить первый состав Думы и оказать правительству «пассивное сопротивление», не платить налоги, не ходить в армию: «...когда правительство распустило Государственную думу, вы вправе не давать ему ни солдат, ни денег».

Подписавшие воззвание депутаты попали под суд и в большинстве получили стандартный приговор: три месяца заключения и лишение избирательных прав, а также права заниматься легальной политической деятельностью. То есть в дальнейшем они выдвигать свои кандидатуры на выборах в Думу уже не могли. И на положение крупных политиков, признанных государством, претендовать тоже не могли.

Это отчасти определило дальнейшую политическую карьеру Набокова в Конституционно-демократической партии – на вторых ролях, в отличие от Милюкова, бывшего одним из авторов Выборгского воззвания, но не подписавшего его,

поскольку депутатом Первой думы Милюков не являлся. Зато позже он стал и депутатом Думы, и лидером кадетской фракции в ней... Впрочем, Набоков всегда был человеком уважаемым в политических кругах и продолжал оставаться в числе лидеров Конституционно-демократической партии, даже потеряв депутатский мандат.

В его политическую деятельность внесла коррективы Первая мировая война – в самом начале войны В.Д. Набоков был призван в ополчение и в качестве прапорщика начал службу недалеко от линии фронта в Прибалтике, где из подразделений ополчения сформировали пехотный полк. В 1915 году начальство решило использовать знания и опыт прапорщика Набокова более рационально. Его перевели в Петроград, в Азиатский отдел Главного штаба. Там Владимиру Дмитриевичу и суждено было встретить Февральскую революцию 1917 года.

Находясь на военной службе, Набоков считал для себя неэтичным продолжать заниматься политикой, тем более быть в оппозиции, и отошел от партийных дел. Неудивительно, что начало революционных событий застало его врасплох.

Вспоминая первые дни Февральской революции, Набоков не мог скрыть чувство растерянности от происходившего в Петрограде (который он по привычке называл Петербургом).

Но поскольку Государственная дума, кадетской фракцией которой он до войны руководил (не будучи избранным в

состав депутатов, он во время совещаний помогал вырабатывать партийную позицию), оказалась в авангарде борьбы в феврале 1917 года, Набоков быстро вернулся к активной политической жизни. С военной службы в связи с революционными событиями его легко отпустили – жизнь в стране быстро менялась, и старые порядки рушились на глазах...

Император Николай II еще не успел подписать отречение от престола, а в Думе уже сформировался Временный комитет, заявивший, что берет власть в свои руки.

Вскоре началось формирование первого состава Временного правительства. Набоков мог претендовать на пост министра юстиции, и такие предложения ему делали не раз, но Владимир Дмитриевич предпочел более скромный, хотя и не менее важный, по его мнению, пост – управляющего делами Временного правительства. Опыт, полученный когда-то в Государственной канцелярии, он намеревался направить во благо новой власти...

Высокий пост во Временном правительстве сделал Набокова причастным к важнейшим историческим событиям. Через год, в 1918 году, в Крыму он приступил к работе над воспоминаниями, стараясь оставить «для истории» свой рассказ о пережитом. Как человек умный и наблюдательный, он дал очень яркие характеристики и событиям 1917 года в Петрограде, и новой политической элите.

При чтении мемуаров Набокова сразу бросается в глаза одна вещь – «революционные» кадеты, и Набоков в частно-

сти, находились в дни Февральской революции в восторженном состоянии, им казалось, что они одержали победу, и были сильно удивлены, когда появились иные силы, начавшие отодвигать кадетов в сторону от рычагов власти...

Построив свою деятельность на критике и противодействии царскому правительству, сами кадеты оказались неспособны к практической работе, быстро развалили государственное устройство и не смогли не только наладить новую жизнь, но и удержать власть и предотвратить Гражданскую войну...

В 1918 году, работая над воспоминаниями, Набоков это уже понимал: «Теперь, *post factum*, когда просматриваешь газеты того времени, эти симптомы кажутся такими несомненными, такими очевидными! А тогда те люди, которые взвалили на свои плечи неслыханно тяжелую задачу управления Россией, – в особенности на первых порах, – как будто предавались иллюзиям. Они хотели верить в конечный успех; без этой веры откуда бы могли они почерпнуть нравственные силы? И впервые должна была пошатнуться их вера именно в эти роковые апрельские дни, когда «революционный Петроград» вынес на площадь жизненный для России вопрос о задачах ее внешней политики и на красных знаменах впервые появились надписи, призывавшие к свержению Временного правительства или отдельных его членов.

С этого момента начался мартиролог Временного правительства. (...) И в сущности говоря, последующие шесть

месяцев, с их периодическими потрясениями и кризисами, с тщетными попытками создать сильную коалиционную власть... – эти шесть месяцев были одним сплошным умиранием».

И еще трудно не заметить – как бы кадеты ни восторгались революцией, какой бы душевный подъем ни испытывали, они были в стороне от простого народа, оказавшегося главной силой происходящих событий. Сказать народу громкую речь, забравшись на стол, они могли, но при этом были не в силах справиться с внутренним раздражением, глядя на «массы»... Наверное, это многое определило в последующих событиях...

Свидетельства В.Д. Набокова, видевшего Февральскую революцию и работу Временного правительства своими глазами, без сомнения, представляют большой интерес. Он сам писал об этом: «Я считал бы крайне важным, чтобы все те, кто так или иначе оказались причастными работе Временного правительства, поступили бы также. Будущий историк соберет и оценит все эти свидетельства. Они могут оказаться очень разноценными, но ни одно из них не будет лишены цели, если пишущий задастся двумя абсолютными требованиями: не допускать никакой сознательной неправды (от ошибок никто не гарантирован) и быть вполне и до конца искренним».

Впервые воспоминания В.Д. Набокова были изданы в Берлине в 1921 году. Они открыли первый том Архива рус-

ской революции, состоявшего из мемуаров и других документальных материалов о революции и Гражданской войне, предоставленных русскими эмигрантами видному кадету И.В. Гессену, готовившему издание.

В 1922 году Владимира Дмитриевича Набокова не стало. Он погиб, героически защищая своего друга Павла Николаевича Милюкова от пули террориста.

Политики во главе со спасенным Милюковым, а также Бунин, Куприн, Мережковский и другие русские писатели-эмигранты отозвались на смерть Набокова прощальными статьями и некрологами. Бунин назвал некролог «Великая потеря»...

«Великая потеря, еще одна! Боже, да когда же конец несчастьям России!»

Лидерам кадетов, прежде всего П.Н. Милюкову, соотечественники, оказавшиеся в эмиграции, предъявляли много претензий за политические ошибки 1917 года. Но на Набокова это отношение почти не распространялось – в его действиях не находили фатальных проявлений, сгубивших старую Россию. Он пользовался уважением в разных кругах белой эмиграции.

В 1924 году воспоминания В.Д. Набокова неожиданно выпустили в Москве. Конечно, там были цензурные сокращения, в основном касающиеся событий Октября 1917 года. Но в целом к авторскому тексту отнеслись удивительно бережно. И советский читатель получил возможность ознако-

миться с точкой зрения «чуждого элемента» с другой стороны баррикад.

Данная публикация основана на издании 1924 года (*Набоков В.Д.* Временное правительство: Воспоминания / Вст. ст. Н.И. Бороздина. М.: Изд. Т-ва «Мир», 1924. 132 с. (Библиотека мемуаров).

Фрагменты, подвергнутые цензурным сокращениям, восстановлены по первому изданию 1921 года.

Текст приведен в соответствие с правилами современной орфографии.

Даты событий 1917 года указаны автором в старом стиле (по юлианскому календарю, действовавшему в то время в России).

I

Ровно год тому назад¹, в эти самые дни, 20–22 апреля [1917 года], произошли в Петербурге события, все значение которых для судьбы войны и судеб нашей Родины *тогда* еще не могло быть в достаточной степени понято и оценено. *Теперь* уже ясно видно, что именно в эти бурные дни, когда впервые после торжества революции открылось на мгновение уродливо-свирепое лицо анархии, – когда вновь, во имя партийной интриги и демагогических вожделений, поднят был Ахеронт² и преступное легкомыслие, бессознательно подавая руку предательскому политическому расчету, поставило Временному правительству ультиматум и добилось от него роковых уступок и отступлений в двух основных вопросах – внешней политики и организации власти, – в эти дни закончился первый, блестящий и победный, фазис революции и определился – пока еще неясно – путь, поведший Россию к падению и позору.

Это не значит, конечно, что в течение двух первых месяцев, когда на развалинах самодержавия – формально отжившего еще 17 октября 1905 года, но фактически еще целых 11 лет пытавшегося сохранить свое значение – организовыва-

---

¹ Писано 21 апр. 1918 г. (*Примеч. авт.*)

² Ахеронт (Ахерон) – в греческой мифологии одна из рек, открывающих путь в Преисподнюю, в царство Аида. (*Примеч. ред.*)

лась новая, свободная Россия, – что в этот короткий период все обстояло благополучно. Напротив того: внимательный и объективный взгляд мог бы в первые же дни «бескровной революции» найти симптомы грядущего разложения.

Теперь, *post factum*, когда просматриваешь газеты того времени, эти симптомы кажутся такими несомненными, такими очевидными! А тогда те люди, которые взвалили на свои плечи неслыханно тяжелую задачу управления Россией, – в особенности на первых порах, – как будто предавались иллюзиям. Они хотели верить в конечный успех; без этой веры откуда бы могли они почерпнуть нравственные силы? И впервые должна была пошатнуться их вера именно в эти роковые апрельские дни, когда «революционный Петроград» вынес на площадь жизненный для России вопрос о задачах ее внешней политики и на красных знаменах впервые появились надписи, призывавшие к свержению Временного правительства или отдельных его членов.

С этого момента *начался* мартиролог³ Временного правительства. Можно констатировать, что уход Гучкова и принесение Милюкова в жертву требованиям Исполнительного комитета Петербургского Совета рабочих и солдатских депутатов были для Временного правительства первым ударом, от которого оно уже более не оправилось. И в сущности говоря, последующие шесть месяцев, с их периодическими

---

³ Мартиролог (*церк.*) – сборник повествований о христианских мучениках; (*перенос.*) перечень лиц, подвергшихся преследованиям. (*Примеч. ред.*)

потрясениями и кризисами, с тщетными попытками создать сильную коалиционную власть, с фантастическими совещаниями в Малахитовом зале и в Московском Большом театре, – эти шесть месяцев были одним сплошным умиранием.

Правда, в начале июля был один короткий момент, когда словно поднялся опять авторитет власти: это было после подавления первого большевистского выступления. Но этим моментом Временное правительство не сумело воспользоваться, и тогдашние благоприятные условия были пропущены. Они более не повторились. Легкость, с которой Ленину и Троцкому удалось свергнуть последнее коалиционное правительство Керенского, обнаружила его внутреннее бессилие. Степень этого бессилия изумила тогда даже хорошо осведомленных людей...

С первых дней переворота я стоял довольно близко к Временному правительству; в течение первых двух месяцев (до первого кризиса) занимал должность управляющего делами Временного правительства, а впоследствии находился с ним – по разным поводам и при разных обстоятельствах – в довольно тесном контакте. К сожалению, я не вел тогда ни дневника, ни каких-либо систематических записей. Занятый с утра и до поздней ночи, я еле находил время для того, чтобы выполнять всю выпавшую на мою долю работу. Поэтому у меня не сохранилось почти никаких документальных данных, относящихся к тому времени.

Я долго колебался, стоит ли теперь, по прошествии столь-

ких месяцев, приниматься за перо и пытаться записать то, что уцелело в памяти. Трудность этой задачи увеличена теми условиями, в которых я теперь нахожусь, – проживая в «медвежьем углу» Крыма, уже целый месяц совершенно отрезанного от всей остальной России и только что занятого немцами. У меня под рукой нет ничего для облегчения работы памяти, если не считать кипы номеров «Речи», по счастью сохранившихся у И.И. Петрункевича⁴ и им мне предоставленных. Правда, это очень драгоценное пособие, но оно не могло, конечно, отражать хода той внутренней, закулисной политической жизни, которая, как это всегда бывает, направляла и всецело определяла ход жизни внешней.

В течение тех двух месяцев, что я находился на посту управляющего делами Временного правительства, я чуть не ежедневно присутствовал при закрытых его заседаниях, где я был единственным лицом, не принадлежавшим официально к составу правительства. Впоследствии я подробнее коснусь вопроса о моем положении и о тех причинах, которые побудили меня мириться в течение моей кратковременной работы с этим положением только свидетеля, но не участника политического «творчества» Временного правительства.

Сейчас я хочу только констатировать, что, насколько мне известно, от всех этих совещаний не осталось никакого следа. Записывать прения в самом заседании я не мог, ввиду их

---

⁴ Петрункевич Иван Ильич – юрист, один из лидеров земского движения и Конституционно-демократической партии. (При-меч. ред.)

строго конфиденциального характера. Это, конечно, вызвало бы протест прежде всего со стороны Керенского, всегда очень подозрительно и ревниво относившегося ко всему, в чем он мог усматривать покушение на «верховные prerogatives» Временного правительства. Писать же *post factum* у меня не было времени. Думаю, что ни один из министров не имел возможности делать какие-либо записи после заседания. Само собою разумеется, что теперь, год спустя, я не имею ни малейшей возможности систематически восстановить то, что происходило на этих совещаниях.

И тем не менее я все-таки решил приступить к этим запискам. Как ни скуден тот материал, которым располагает моя память, все же было бы, думается мне, жаль, если бы этот материал погиб бесследно. Я считал бы крайне важным, чтобы все те, кто так или иначе оказались причастными работе Временного правительства, поступили бы так же. Будущий историк соберет и оценит все эти свидетельства. Они могут оказаться очень разноценными, но ни одно из них не будет лишены цели, если пишущий задастся двумя абсолютными требованиями: не допускать никакой сознательной неправды (от ошибок никто не гарантирован) и быть вполне и до конца искренним.

Вступление это мне казалось необходимым, так как оно пояснит самый характер моих воспоминаний и мое собственное отношение к этим запискам. Приступаю к моему повествованию.

II

Как только вспыхнула война, я немедленно – 21 июля 1914 года – получил бумажку, уведомлявшую меня, что я, в качестве офицера ополчения, призываюсь в 318-ю пешую Новгородскую дружину и обязан явиться в место формирования этой дружины, в город Старую Руссу. Не собираюсь сейчас подробно касаться всего, пережитого мною, сперва в Старой Руссе, потом в Выборге, где дружина находилась до мая 1915 года, затем в местечке Гай-наше⁵, на берегу Рижского залива, на полпути между Перновом и Ригой. Я был сперва дружинным адъютантом, потом в Гайнаше, где из трех дружин был образован полк (под названием 434-го пехотного Тихвинского), – полковым адъютантом, и в этот первый год войны был свидетелем работы по подготовке тыла, протекавшей, вероятно, более или менее одинаково по всей России.

Думаю, что мои наблюдения в этой области также не будут лишены некоторого интереса, но покамест откладываю записывание этого материала, а также и всего того, что относится к моей службе в Азиатской части Главного штаба, куда я был совершенно для себя неожиданно и без всякого своего участия переведен из Гайнаша в сентябре 1915 года

---

⁵ Гайнаш, после 1917 г. Айнажи – поселение, с 1928 г. небольшой город в Латвии. (Примеч. ред.)

и где оставался до самого переворота, заставшего меня временно исполняющим обязанности делопроизводителя этого учреждения. Если я здесь упоминаю о своей военной службе, то только для того, чтобы пояснить, что с июля 1914 года и до марта 1917 года я не принимал никакого участия в политике. Даже вернувшись в Петербург, я не возобновил ни публицистической работы в газете «Речь»⁶, ни работы в Центральном комитете Партии народной свободы⁷. Открыто вернуться к той и другой я – в силу своего положения офицера, служащего в Главном штабе, – не мог, сделать же это, так сказать, конспиративно у меня не было никакой охоты, да и не было бы в таком тайном участии большого смысла.

Как бы то ни было, мне важно, для пояснения многого дальнейшего, констатировать это обстоятельство. С начала войны и до самой революции я был оторван от политической и – в частности – от партийной жизни и следил за нею только извне, как сторонний наблюдатель. Мне были неизвестны сложные отношения, развившиеся в эти годы внутри Думы и в недрах нашего ЦК. Я совершенно не знал Керенского – мое знакомство с ним было чисто внешнее, мы кланялись при встрече и обменивались банальными фразами, – о поли-

---

⁶ Если не считать ряда фельетонов, явившихся плодом моей поездки в Англию в феврале 1916 г. и впоследствии напечатанных отдельной книгой под заглавием «Из воюющей Англии». (Примеч. авт.)

⁷ Партия народной свободы – изначально неофициальное название Конституционно-демократической партии, ставшее официальным после Февральской революции 1917 г. (Примеч. ред.)

тической его физиономии я мог судить только по его речам в Думе, о которых я никогда не был высокого мнения.

Конечно, в силу моей близости к редакции «Речи», личных отношений с Милюковым, Гессеном, Шингаревым, Родичевым и другими я не мог, да и не хотел, вполне потерять связь – вернее, контакт – с партией и политикой; и не потерял ее. Но все же внешняя моя отчужденность была причиной того, что после переворота, на первых порах моей возобновившейся политической деятельности, я не сразу мог разобраться в той сложной сети и личных, и партийных отношений, которая опутала – отчасти сковала – работу Временного правительства. Я многого не знал и многого поэтому не понимал. Это отразилось и на собственной моей роли, как будет видно далее.

Перехожу к внешним фактам, в их хронологической последовательности.

23 февраля жена моя должна была вернуться из Раухи⁸, в Финляндии, куда она уехала с сыном еще в середине января и где оставалась несколько дней после возвращения сына, поправляясь от бронхита. Я ездил на вокзал ее встречать и живо помню, как на пути домой я рассказывал ей, что в Петербурге очень беспокойно, рабочее движение, забастовки, большие толпы на улицах, что власть проявляет нервность и как бы растерянность и, кажется, не может особенно рас-

---

⁸ Рауха – поселок в Южной Карелии в Финляндии, недалеко от курортного города Иматра. (Примеч. ред.)

считывать на войска – в частности, на казаков⁹.

В пятницу, 24-го, и в субботу, 25-го, я ходил, как всегда, на службу. 26-го, в воскресенье, Невский получил вид военного лагеря – он был оцеплен. Вечером я был у И.В. Гессена, у которого по воскресеньям обычно собирались друзья и знакомые. На этот раз я, помнится, застал у него только Губера (Арзубьева)¹⁰, который вскоре ушел. Мы обменивались впечатлениями. Происходившее нам казалось довольно грозным. То обстоятельство, что власть – высшая – находилась в такую критическую минуту в руках таких людей, как князь Голицын¹¹, Протопопов¹² и генерал Хабалов¹³, не могло не внушать самой серьезной тревоги. Тем не менее еще 26-го вечером мы были далеки от мысли, что ближайшие два-три дня принесут с собою такие колоссальные, решающие события всемирно-исторического значения.

Возвращаясь домой с Малой Конюшенной, я не мог взять

---

⁹ Не так давно, в апреле 1918 г., Мятлев, находящийся в Ялте, при встрече напомнил мне об этой поездке и о моем рассказе. (*Примеч. авт.*)

¹⁰ Губер Петр Константинович (псевдоним П.Ф. Арзубьев) – литератор и переводчик. (*Примеч. ред.*)

¹¹ Голицын Николай Дмитриевич – последний председатель Совета министров Российской империи, до 27 февраля 1917 г. (*Примеч. ред.*)

¹² Протопопов Александр Дмитриевич – последний министр внутренних дел Российской империи, до 28 февраля 1917 г. (*Примеч. ред.*)

¹³ Хабалов Сергей Семенович – генерал-лейтенант, командующий войсками Петроградского военного округа; 28 февраля 1917 г. был арестован восставшими и заключен в Петропавловскую крепость; освобожден из заключения в октябре 1917 г. (*Примеч. ред.*)

обычный путь – прямо на Невский и Морскую, так как через Невский меня бы не пустили. Я прошел переулком на Большую Конюшенную, потом через Волынкин переулок на Мойку, через Певческий мост, Дворцовую площадь, совершенно пустынную, мрачную, огромную, мимо Невского, по Адмиралтейскому проспекту. Проходя мимо градоначальства, я не мог не обратить внимания на большое количество автомобилей (10–12), стоявших перед подъездом. Вернулся я в начале первого, встревоженный и с мрачными предчувствиями.

Утром в понедельник, 27-го, я, как всегда, в десять часов утра отправился на службу. Азиатская часть Главного штаба помещалась тогда в здании бывшего главного управления казачьих войск, на Караванной против Симеоновского моста. В три часа я пошел домой по Невскому, по которому в это время уже был свободный проход и толпились массы народу.

К вечеру Морская – насколько можно было видеть из окон, в особенности из боковых окон тамбура, выходящего на улицу и дающего возможность обозреть ее до «Астории» с одной стороны и до Конногвардейского переулка с другой, – совершенно вымерла. Начали проноситься броневики, слышались выстрелы из винтовок и пулеметов, пробежали, прижимаясь к стенам, отдельные солдаты и матросы. Временами отдельные выстрелы переходили в оживленную перестрелку. Временами, но всегда на короткое время, – все

затихало. Телефон продолжал работать, и сведения о происходившем в течение дня передавались мне, помнится, моими друзьями. В обычное время мы легли спать. С утра 28 февраля возобновилась пальба на площади, а также в той части Морской, которая идет от лютеранской кирхи к Поцелуеву мосту. Выходить было опасно – отчасти из-за стрельбы, отчасти потому, что с офицеров начали срывать погоны, и уже ходили слухи о насилиях над ними со стороны солдат.

Петроград, Литейный проспект. Февраль 1917 года

Часов в 11 утра (может быть, даже раньше) под окнами нашего дома прошла большая толпа солдат и матросов, направляясь к Невскому. Шли беспорядочно и нестройно, офице-

ров не было. В эту толпу, по-видимому, стреляли – не то из «Астории», не то из министерства земледелия: точно это никогда не было установлено, да и самый факт стрельбы также не установлен, – возможно, что это было позднее выдуманно.

Как бы то ни было, под влиянием ли выстрелов (если они были) или по каким-либо другим побуждениям эта толпа начала громить «Асторию». Оттуда начали к нам являться «беженцы»: сестра моя с мужем – адмиралом Коломейцовым, потом семья целая, с маленькими детьми, приведенная знакомыми английскими офицерами, потом еще другая семья наших отдаленных родственников Набоковых. Все это кое-как разместилось у нас в доме.

Весь вторник, 28-го, а также среду, 1 марта, я не выходил из дому. Было много хлопот по устройству неожиданных и невольных гостей, но большая часть дня проходила в каком-то тупом и тревожном ожидании. Точных сведений было мало. Известно было только, что центральным пунктом является Государственная дума, а к вечеру 1 марта уже говорили, что весь Петербургский гарнизон, а также некоторые прибывшие из окрестностей части присоединились к восставшим.

Утром 2 марта уже офицеры могли свободно появляться на улицах, и я решил отправиться в Азиатскую часть выяснить положение. Придя туда, я застал на первой большой площадке огромную толпу служащих, офицеров и писарей. Я быстро прошел в наше собственное помещение, но через

некоторое время пришли мне сказать, что меня просят, чтобы сказать несколько слов по поводу происшедших событий. Я пошел к собравшимся; меня встретили аплодисментами. Мы все перешли в большую залу. Я взобрался на стол и сказал краткую речь.

Точно не помню своих слов – смысл их заключался в том, что деспотизм и бесправие свергнуты, что победила свобода, что теперь долг всей страны – ее укрепить, что для этого необходима неустанная работа и огромная дисциплина. На отдельные вопросы я отвечал, что я сам еще не в курсе происшедших событий, но что собираюсь днем в Государственную думу и там все, конечно, узнаю в подробности, а завтра мы все можем вновь собраться. На этом мы и закончили, служащие разошлись, оживленно разговаривая. Я недолго пробыл в Азиатской части, где не было ни начальника ее, генерала Манакина, ни ближайшего его помощника, генерала Давлетшина, и где, разумеется, в этот день ни о какой работе нельзя было думать. Вернувшись домой, я позавтракал и в два часа снова вышел, с намерением пробраться в Государственную думу.

На углу Невского и Морской я как раз столкнулся со всем составом служащих Главного штаба, которые шли в Государственную думу для того, чтобы заявить Временному правительству, о сформировании которого только что стало известно, свое подчинение ему. Я к ним присоединился, мы пошли по Невскому, Литейной, Сергиевской, Потем-

кинской, Шпалерной. На улицах была масса народу. Везде видны были взволнованные, возбужденные лица, уже висели красные флаги. На Потемкинской мы встретили довольно большую толпу городских, которых вели под конвоем, — по-видимому, из Манежа Кавалергардского полка, куда они были заключены при начале восстания.

В эти 40–50 минут, пока мы шли к Государственной думе, я пережил не повторившийся больше подъем душевный. Мне казалось, что в самом деле произошло нечто великое и священное, что народ сбросил цепи, что рухнул деспотизм... Я не отдавал себе тогда отчета в том, что основой происшедшего был военный бунт, вспыхнувший стихийно вследствие условий, созданных тремя годами войны, и что в этой основе лежит семя будущей анархии и гибели... Если такие мысли и являлись, то я гнал их прочь.

Войска и народ у здания Государственной думы, февраль 1917 года

Когда мы подошли к Шпалерной, она оказалась совершенно запруженной войсками, направлявшимися к Думе. Приходилось несколько раз останавливаться и довольно долго ждать. То и дело проползали моторы, с трудом прокладывая себе дорогу через толпу. Площадь перед зданием Думы была переполнена так, что яблоку негде было упасть: на аллее, ведущей к подъезду, происходила невероятная давка, раздавались крики; у входных ворот какие-то молодые люди еврейского типа опрашивали проходивших; по временам слышались раскаты «ура». Одну минуту я уже отчаялся дой-

ти до подъезда Думы и потерял связь с моими товарищами. Наконец, протискиваясь и проталкиваясь, я добрался до ступеней подъезда. В это время на возвышение, устроенное перед дверью, а может быть, на открытый автомобиль (мне с моего места не было хорошо видно) взобрался В.Н. Львов и сказал приветственную коротенькую речь по адресу тех воинских частей, которые находились на площади. Его плохо было слышно, и речь его не производила никакого впечатления. Когда он кончил и спустился к дверям Думы, туда хлынула толпа, давка стала еще сильнее.

Не помню уже, как я оказался в вестибюле. Внутренность Таврического дворца сразу поражала своим необычным видом. Солдаты, солдаты, солдаты, с усталыми, тупыми, редко с добрыми или радостными лицами; всюду следы импровизированного лагеря, сор, солома; воздух густой, стоит какой-то сплошной туман, пахнет солдатскими сапогами, сукном, потом; откуда-то слышатся истерические голоса ораторов, митингующих в Екатерининском зале, – везде давка и суетливая растерянность. Уже ходили по рукам листки со списком членов Временного правительства.

Манифестация в Петрограде в марте 1917 года

Помню, как я был изумлен, узнав, что министром юстиции назначен Керенский. (Я не понимал тогда значения этого факта и ожидал, что на этот пост будет назначен Маклаков.) Такой же неожиданностью было назначение М.И. Терещенко. Встретившийся мне знакомый журналист, по моей просьбе, взялся показать мне дорогу к комнатам, где находились Милюков, Шингарев и другие мои друзья.

Мы пошли какими-то коридорами, комнатушками, везде встречая множество знакомых лиц, – по дороге попался нам князь Г.Е. Львов. Меня поразило его мрачный, унылый вид и усталое выражение глаз. В самой задней комнате я нашел

Милюкова, он сидел за какими-то бумагами с пером в руках; как оказалось, он выправлял текст речи, произнесенной им только что, – той речи, в которой он высказывался за сохранение монархии (предполагая, что Николай II отречется или будет свергнут). Милюков совсем не мог говорить, он потерял голос, сорвав его, по-видимому, ночью, на солдатских митингах. Такими же беззвучными, охрипшими головами говорили Шингарев и Некрасов. В комнатах была разнообразная публика. Почему-то находился тут князь С.К. Белосельский (генерал), ожидавший, по его словам, Гучкова, – очень растерянный.

Через некоторое время откуда-то появился Керенский, сопровождаемый графом Алексеем Орловым-Давыдовым (героем процесса с Пуаре¹⁴), взвинченный, взволнованный, истеричный. Кажется, он пришел прямо из заседания Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, где он заявил о принятии им портфеля министра юстиции – и получил санкцию в форме переизбрания в товарищи председателя Комитета. Насколько Милюков казался спокойным и сохраняющим полное самообладание, настоль-

---

¹⁴ Пуаре Мария Яковлевна, в первом браке Свешникова, во втором Орлова-Давыдова, сценический псевдоним Марусина – актриса легкого жанра, поэтесса и композитор, автор романса «Я ехала домой»; в 1914 г. вышла замуж за графа А.А. Орлова-Давыдова, а в 1915 г. оказалась под арестом, будучи обвиненной мужем в мошенничестве при получении согласия на брак и попытке выдать чужого ребенка за своего. Был громкий судебный процесс; по уголовному делу Марию Пуаре оправдали, но факт подмены младенца был доказан. (*Примеч. ред.*)

ко Керенский поражал какой-то потерей душевного равновесия. Помню один его странный жест. Одет он был, как всегда (то есть до того, как принял на себя роль «заложника демократии» во Временном правительстве): на нем был пиджак, а воротничок рубашки – крахмальный, с загнутыми углами. Он взялся за эти углы и отодрал их, так что получился, вместо франтовского, какой-то нарочито пролетарский вид... При мне он едва не падал в обморок, причем Орлов-Давыдов не то давал ему что-то нюхать, не то поил чем-то, не помню.

В соседней комнате происходило какое-то военное совещание. Я издали увидел генералов Михневича и Аверьянова.

Кажется, в то время уже говорили о том, что Гучков и Шульгин уехали в Псков¹⁵, и говорили как-то неодобрительно-скептически.

Делать в Думе мне было нечего. Вести сколько-нибудь систематический разговор с людьми смертельно усталыми – было невозможно. Пробыв некоторое время, вобрав в себя атмосферу – лихорадочную, сумасшедшую какую-то, – я направился к выходу. По дороге, в одной из маленьких комнат, я встретил П.Б. Струве¹⁶, который находился в Думе, если не ошибаюсь, чуть ли не со вторника. Настроение его было

---

¹⁵ Имеется в виду поездка к императору Николаю II с целью заставить его подписать отречение от престола. (Примеч. ред.)

¹⁶ Струве Петр Бернгардович – экономист, историк, публицист, редактор газет и журналов, до 1915 г. член ЦК Конституционно-демократической партии. (Примеч. ред.)

крайне скептическое. Мы с ним недолго поговорили на тему о необычайной сложности и трудности создавшегося положения. Потом я направился домой.

На другой день, 3 марта, я утром, в обычное время, пошел в Азиатскую часть. На углу Морской и Вознесенского я встретил М.А. Стаховича¹⁷, который сообщил мне, как о совершившемся факте, об отречении Николая II (за себя и за сына) и о передаче им престола Михаилу Александровичу. Это же самое подтвердил мне М.П. Кауфман (бывший министр народного просвещения), которого я встретил недалеко от Караванной. Придя на службу, я застал опять крайнее оживление, толпу народа на лестнице и в большом зале заседаний, и снова ко мне обратились с просьбой сделать какие-нибудь разъяснения по поводу создавшегося положения. Я согласился.

В зале собрались все служащие, пришел и почтенный генерал Агапов, начальник казачьего отдела Главного штаба. В своей речи я поделился теми сведениями, которые у меня были (правда, крайне скудными), – сказал, что факт отречения царя должен разрешить вопрос и для всех тех, кто стоит на почве верноподданнической лояльности *quand-toute*¹⁸, и затем, останавливаясь на предстоящей задаче, раз-

---

¹⁷ Стахович Михаил Александрович – член Государственного совета, земский деятель, член Партии мирного обновления. В 1917 г. назначен Временным правительством на пост губернатора Финляндии. (Примеч. ред.)

¹⁸ Непременно, вопреки всему (*фр.*). (Примеч. ред.)

вивал вчерашние свои мысли о необходимости положить все свои силы на работу и на поддержку безусловной дисциплины. Вслед за мной говорили и другие, в том числе генерал Агапов. Настроение было очень твердое и хорошее, никаких диссонансов не было заметно. Помню даже, что Агапов поднял некоторые ближайшие практические вопросы, требующие, как он указал, немедленного решения для того, чтобы не останавливать налаженность работы и не вносить расстройство в нормальный ход дел.

Пробыв недолго со своими сослуживцами, я решил отправиться к начальнику Азиатской части генералу Манакину, не выходявшему из дому по нездоровью (кажется, он по телефону просил меня зайти к нему). Была чудная, солнечная, морозная погода. Не успел я прийти к генералу Манакину и поговорить с ним, как к нему позвонили из моего дома, и жена сказала мне, что меня просят немедленно, от имени князя Львова, на Миллионную, 12, где находится – в квартире князя Путятина – великий князь Михаил Александрович.

Я тотчас распростился с генералом Манакиным и поспешил по указанному адресу, разумеется, пешком, так как ни извозчиков, ни трамвая не было. Невский представлял необычайную картину: ни одного экипажа, ни одного автомобиля, отсутствие полиции и толпы народа, занимающие всю ширину улицы. Перед въездом в Аничков дворец жгли орлов, снятых с вывесок придворных поставщиков.

Я пришел на Миллионную, должно быть, уже в третьем

часу. На лестнице дома № 12 стоял караул Преображенского полка. Ко мне вышел офицер, я себя назвал, он ушел за инструкциями и, тотчас же вернувшись, пригласил меня наверх.

Раздевшись в прихожей, я вошел сперва в большую гостиную (в ней, как я узнал, в это утро происходило то совещание Михаила Александровича с членами Временного правительства и Временного комитета Государственной думы, которое закончилось решением великого князя отказаться от навязанного ему «наследия»). В следующей комнате – по-видимому, будуаре хозяйки – сидели князя Львов и Шульгин.

Князь Львов объяснил мне мотив моего приглашения. Он рассказал мне, что в самом Временном правительстве мнения по вопросу о том, принимать ли Михаилу Александровичу престол или нет, – разделились. Милюков и Гучков были решительно и категорически за и делали из этого вопроса *punctum saliens*¹⁹, от которого должно было зависеть участие их в кабинете. Другие были, напротив, на стороне отрицательного решения. Великий князь выслушал всех и попросил дать ему подумать в одиночестве (я предполагаю, что он посоветовался со своим секретарем Матвеевым, которому он очень доверял, и что тот был сторонником отказа).

Через некоторое время он вернулся в комнату, где происходило совещание, и заявил, что при настоящих условиях он далеко не уверен в том, что принятие им престола будет на

---

¹⁹ Решающий пункт (лат.). (Примеч. ред.)

благо родине, что оно может послужить не к объединению, а к разъединению, что он не хочет быть невольной причиной возможного кровопролития и потому не считает возможным принять престол и предоставляет решение (окончательное) вопросу Учредительному собранию.

Тут же князь Львов прибавил, что в результате этого решения Милюков и Гучков выходят из состава Временного правительства. «Что Гучков уходит, это не беда: ведь оказывается (*sic*²⁰), что его в армии терпеть не могут, солдаты его просто ненавидят. А вот Милюкова непременно надо уговорить остаться. Это уж дело ваше и ваших друзей помочь нам».

На мой вопрос, зачем меня просили прийти, князь Львов сказал, что нужно составить акт отречения Михаила Александровича. Проект такого акта набросан Некрасовым, но он не закончен и не вполне удачен, – а так как все страшно устали и больше не в состоянии думать, не спав всю ночь, то меня и просят заняться этой работой. Тут же он передал мне черновик Некрасова, сохранившийся до настоящего времени в моих бумагах, вместе с окончательно установленным текстом.

Здесь я бы хотел открыть скобку, прервать на минуту нить моего рассказа и коснуться вопроса об отречении Михаила Александровича по существу.

Много раз впоследствии я возвращался мысленно к этому

---

²⁰ Так (*лат.*). (*Примеч. ред.*)

моменту, и теперь вот, в конце апреля 1918 года, когда я пишу эти строки, в Крыму, завоеванном немцами²¹ («временно занятом», как они говорят), пережив все горькие разочарования, все ужасы, все унижение этого кошмарного года революции, убедившись в глубокой несостоятельности тех сил, на долю которых выпала задача создания новой России, я спрашиваю себя: не было ли больше шансов на благополучный исход, если бы Михаил Александрович принял тогда корону из рук царя?

Надо сказать, что из всех возможных «монархических» решений это было самым неудачным. Прежде всего, в нем был неустранимый внутренний порок. Наши основные законы не предусматривали возможности отречения царствующего императора и не устанавливали никаких правил, касающихся престолонаследия в этом случае. Но, разумеется, никакие законы не могут устранить или лишить значения самый факт отречения или помешать ему. Это есть именно факт, с которым должны быть связаны известные юридические последствия... И так как, при таком молчании основных законов, отречение имеет то же самое значение, как смерть, то очевидно, что и последствия его должны быть те же, то есть – престол переходит к законному наследнику. Отречься можно только за самого себя. Лишать престола то

---

²¹ Немецкие войска оккупировали Крым с 27 апреля по ноябрь 1918 г.; после капитуляции в Первой мировой войне 11 ноября 1918 г. германская армия вынуждена была оставить Крым. (*Примеч. ред.*)

лицо, которое по закону имеет на него право, – будь то лицо совершеннолетний или несовершеннолетний, – отрекающийся император не имеет права.

Престол российский – не частная собственность, не вотчина императора, которой он может распоряжаться по своему произволу. Основываться на предполагаемом согласии наследника также нет возможности, раз этому наследнику не было еще полных 13 лет. Во всяком случае, даже если бы это согласие было категорически выражено, оно подлежало бы оспариванию, здесь же его и в помине не было. Поэтому передача престола Михаилу была актом незаконным. Никакого юридического титула для Михаила она не создавала.

Единственный законный исход заключался бы в том, чтобы последовать тому же порядку, какой имел бы место, если бы умер Николай II. Наследник сделался бы императором, а Михаил – регентом. Если бы решение, принятое Николаем II, не оказалось для Гучкова и Шульгина такой неожиданностью, они, быть может, обратили бы внимание Николая на недопустимость такого решения, предлагающего Михаилу принять корону, на которую он – при живом законном наследнике престола – не имел права.

Я касаюсь этой стороны вопроса потому, что она не является только юридической тонкостью. Несомненно, она значительно ослабляла позицию сторонников сохранения монархии. И несомненно, она влияла и на психику Михаила. Я не знаю, обсуждался ли вопрос с этой точки зрения в утрен-

нем совещании, но несомненно, что Николай II сам (едва ли сознательно) сделал наибольшее для того, чтобы затруднить и запутать создавшееся положение. Правда, им – по словам акта об отречении – руководили чувства нежного отца, не желающего расстаться с сыном. Как ни почтенны эти чувства, не в них, конечно, может он найти себе оправдание.

Принятие Михаилом престола было бы, таким образом, как выражаются юристы, *ab initio vitiosum*, с самого начала порочным. Но допустим, что эта, так сказать, формальная сторона дела была бы оставлена без внимания. Как обстояло положение по существу?

Рассуждая а priori²², можно привести очень сильные доводы в пользу благоприятных последствий положительного решения.

Прежде всего, оно сохраняло преемственность аппарата власти и его устройства. Сохранена была бы основа государственного устройства России, и имелись бы налицо все данные для того, чтобы обеспечить монархии характер конституционный. Этому способствовали бы и те условия, при которых воцарился бы Михаил, и его личные черты: прямота и несомненное благородство характера, лишённого при том властолюбия и деспотических замашек. Устранен был бы роковой допрос о созыве Учредительного собрания во время войны. Могло бы быть создано не Временное правительство, формально облеченное диктаторской властью и фактически

---

²² Умозрительно (лат.). (Примеч. ред.)

вынужденное завоевывать и укреплять эту власть, а настоящее конституционное правительство на твердых основах закона, в рамки которого вставлено бы было новое содержание. Избегнуто бы было то великое потрясение всенародной психики, которое вызвано было крушением престола. Словом сказать, переворот был бы введен в известные границы – и, может быть, была бы сохранена международная позиция России. Были шансы сохранения армии.

Восставший народ на улице Петрограда, февраль 1917 года

Но все это, к сожалению, только одна сторона дела. Для того чтобы она была решающей, необходим был ряд условий, которых налицо не было.

Приняв престол из рук Николая, Михаил сразу имел бы

против себя те силы, которые в первые же дни революции выступили на первый план и захотели овладеть положением, войдя в ближайший контакт с войсками петербургского гарнизона. Эти восставшие войска к тому времени (3 марта) уже были отравлены. Реальной опоры они не представляли. Несомненно, что для укрепления Михаила потребовались бы очень решительные действия, не останавливающиеся перед кровопролитием, перед арестом Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, перед провозглашением, в случае попыток сопротивления, осадного положения.

Через неделю, вероятно, все вошло бы в надлежащие рамки. Но для этой недели надо было располагать реальными силами, на которые можно было бы безоглядно рассчитывать и безусловно опереться. Таких сил не было. И сам по себе Михаил был человеком, мало или совсем не подходившим к той трудной, ответственной и опасной роли, которую ему предстояло сыграть. Он не обладал ни популярностью в глазах масс, ни репутацией умственно выдающегося человека. Правда, его имя было не запятнано, он остался непричастным всем темным перипетиям скандальной хроники распутинской, – он даже некоторое время был как бы в оппозиции, – но всего этого, конечно, было недостаточно для того, чтобы твердой и уверенной рукой взяться за руль государственного корабля. Я не вижу тех элементов, которые его бы поддержали, – не во имя своих личных интересов, а во имя

интересов высших.

Кадеты, три недели спустя выкинувшие республиканский флаг²³, такой опорой не могли быть. Бюрократия, дворянство, придворные сферы? Все это было совсем не организовано, совершенно растерялось и боевой силы не представляло. Наконец, приходится считаться с тем общим настроением, которое преобладало в эти дни в Петербурге: это было *опьянение переворотом*, был бессознательный большевизм, вскруживший наиболее трезвые умы. В этой атмосфере монархическая традиция, лишенная к тому же глубоких элементов внутренней жизни, не могла быть действенной, объединяющейся и собирающей силой...

Таким образом, я так формулирую тот окончательный вывод, к которому я уже давно пришел. Если бы принятие Михаилом престола было возможно, оно оказалось бы благотворным или, по крайней мере, дающим надежду на благополучный исход. Но, к несчастью, вся совокупность условий была такова, что принятие престола было невозможно. Говоря тривиальным языком, из него бы «ничего не вышло». И прежде всего, это должен был чувствовать сам Михаил. Если «мы все глядим в Наполеоны», то он – меньше всех. Любопытно отметить, что он очень подчеркивал свою обиду

---

²³ На съезде Конституционно-демократической партии, проходившем 25–27 марта 1917 г., была принята резолюция, провозгласившая, что «Россия должна быть демократической и парламентской республикой», позже от старого названия партии было решено отказаться, официально заменив его на «Партия народной свободы». (Примеч. ред.)

по поводу того, что брат его «навязал» ему престол, даже не спросив его согласия. И было бы еще интереснее знать, как бы он поступил, если бы об этом согласии его заранее спросил Николай?..

Возвращаюсь к прерванному рассказу.

Само собой разумеется, при данных обстоятельствах мне не приходилось заниматься размышлениями на тему о том, правильно ли или неправильно принятое решение. Одно для меня было ясно: необходимо было удержать Милюкова в составе Временного правительства во что бы то ни стало, а затем надо было, в отношении того ближайшего дела, для которого меня призвали, найти вполне ясную, определительную и точную формулировку отречения великого князя.

В первом отношении я обещал князю Львову употребить все усилия и все влияние, которое я мог иметь на Милюкова, причем я имел в виду встретиться с ним вечером в Таврическом дворце. Что касается акта отречения, то я тотчас же остановился на мысли попросить содействия такого тонкого и осторожного специалиста по государственному праву, как барон Б.Э. Нольде²⁴. С согласия князя Львова я позвонил к нему, он оказался поблизости, в Министерстве иностранных дел, и пришел через четверть часа. Нас поместили в комнате дочери князя Путятина. К нам же присоединился В.В. Шуль-

---

²⁴ Нольде Борис Эммануилович – юрист, профессор международного права, в 1916–1917 гг. возглавлял один из департаментов Министерства иностранных дел. (Примеч. ред.)

гин. Текст отречения и был составлен нами втроем, с сильным видоизменением некрасовского черновика.

Чтобы покончить с внешней историей составления, скажу, что после окончания нашей работы составленный текст был мною переписан и через Матвеева представлен великому князю. Изменения, им предложенные (и принятые), заключались в том, что было сделано (первоначально отсутствовавшее) указание на Бога и в обращении к населению словом «прошу» было заменено проектированное слово «повелеваю». Вследствие таких изменений мне пришлось еще раз переписать исторический документ. В это время было около шести часов вечера. Приехал М.В. Родзянко. Вошел и великий князь, который при нас подписал документ.

Он держался несколько смущенно – как-то сконфуженно. Я не сомневаюсь, что ему было очень тяжело, но самообладание он сохранял полное, и я, признаться, не думал, чтоб он вполне отдавал себе отчет в важности и значении совершаемого акта. Перед тем как разойтись, он и М.В. Родзянко обнялись и поцеловались, причем Родзянко назвал его благороднейшим человеком.

Для того чтобы найти правильную форму для акта об отречении, надо было предварительно решить ряд преюдициальных вопросов²⁵.

Из них первым являлся вопрос, связанный с внешней

---

²⁵ Выходящих за пределы рассматриваемого дела, но без которых невозможно его рассмотрение. (*Примеч. ред.*)

формой акта. Надо ли было считать, что в момент его подписания Михаил Александрович был уже императором и что акт является таким же актом отречения, как и документ, подписанный Николаем II? Но, во-первых, в случае решения вопроса в положительном смысле отречение Михаила могло вызвать такие же сомнения, относительно прав других членов императорской фамилии, какие, в сущности, вытекали и из отречения Николая II. С другой стороны, этим санкционировалось бы неверное предположение Николая II, будто он вправе был сделать Михаила императором. Таким образом, мы пришли к выводу, что создавшееся положение должно быть трактуемо так: Михаил отказывается от принятия верховной власти. К этому, собственно, должно было свестись юридически ценное содержание акта.

Но по условиям момента казалось необходимым, не ограничиваясь его отрицательной стороной, воспользоваться этим актом для того, чтобы в глазах той части населения, для которой он мог иметь серьезное нравственное значение, – торжественно подкрепить полноту власти Временного правительства и преемственную связь его с Государственной думой. Это и было сделано в словах «Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и облеченному всей полнотой власти».

Первая часть формулы дана Шульгиным, другая мною. Опять-таки с юридической точки зрения можно возразить, что Михаил Александрович, не принимая верховной власти,

не мог давать никаких обязательных и связывающих указаний насчет пределов и существа власти Временного правительства. Но, повторяю, мы в данном случае не видели центра тяжести в юридической силе формулы, а только в ее нравственно-политическом значении. И нельзя не отметить, что акт об отказе от престола, подписанный Михаилом, был *единственным актом*, определившим объем власти Временного правительства и вместе с тем разрешившим вопрос о формах его функционирования, – в частности (и главным образом), вопрос о дальнейшей деятельности законодательных учреждений.

Члены Временного комитета Государственной думы,

взявшего власть в свои руки 27 февраля 1917 года, еще до отречения императора Николая II от престола. *Сидят (слева направо):* Г.Е. Львов, В.А. Ржевский, С.И. Шидловский, М.В. Родзянко. *Стоят:* В.В. Шульгин, И.И. Дмитрюков, Б.А. Энгельгардт (комендант Петроградского гарнизона), А.Ф. Керенский, М.А. Караулов

Как известно, в первой декларации Временного правительства оно говорило о себе как о «кабинете», и образование этого кабинета рассматривалось как «более прочное устройство исполнительной власти». Очевидно, при составлении этой декларации было еще неясно, какие очертания примет временный государственный строй. С момента акта отказа считалось установленным, что Временному правительству принадлежит в полном объеме и законодательная власть. Между тем еще накануне в составе Временного правительства поднимался (по словам Б.Э. Нольде) вопрос об издании законов и принятии финансовых мер в порядке 87-й статьи Основных законов.

Может показаться странным, что я так подробно останавливаюсь на содержании акта об отказе. Могут сказать, что акт этот не произвел большого впечатления на население, что он был скоро забыт, заслонен событиями.

Может быть, это и так. Но все же несомненно, что с более общей исторической точки зрения акт 3 марта имел очень большое значение, что он является именно историческим ак-

том и что значение его, может быть, еще скажется в будущем. Для нас же в тот момент, в самые первые дни революции, когда еще было совершенно неизвестно, как будут реагировать вся Россия и иностранные державы-союзницы на переворот, на образование Временного правительства, на все создавшееся новое положение, казалось бесконечно важным каждое слово. И мне кажется, что мы были правы.

Я уже упомянул о том, что работа наша затянулась до вечера. Когда мы вышли, было уже темно. Если память мне не изменяет, я не возвращался домой, а прямо поехал в Государственную думу, чтобы увидаться с Милюковым, показать ему захваченный мною черновик акта, принять меры к его оглашению в печати. Но прежде всего, конечно, я должен был выполнить данное мною князю Г.Е. Львову обещание – употребить все усилия, чтобы убедить Милюкова не выходить из состава Временного правительства.

Для меня, конечно, не было никакого сомнения в том, что, если бы Милюков настоял на своем решении, результатом были бы самые серьезные – может быть, даже губительные – осложнения. Не говоря уже о впечатлении разлада с первых же шагов, о последствиях для партии, которая была бы сразу сбита с толку, о тяжелом положении остающихся министров-кадетов, – с уходом Милюкова Временное правительство теряло свою крупнейшую умственную силу и *единственного* человека, который мог вести внешнюю политику и которого знала Европа. В сущности, этот уход был бы на-

стоящей катастрофой.

Придя в Таврический дворец, я тотчас нашел Милюкова. С ним в этот день на ту же тему уже говорил Винавер, также убеждавший его изменить свое решение. Я прочитал ему текст отказа Михаила. Его этот текст удовлетворил и, кажется, послужил окончательным толчком, побудившим его остаться в составе Временного правительства. Кто и когда повлиял в том же смысле на Гучкова, я не знаю.

С Милюковым по-прежнему была Анна Сергеевна²⁶. От нее я услышал трагическое известие об убийствах в Гельсингфорсе²⁷ и о грозном положении на фронте. Она сама казалась совершенно подавленной этими событиями. Меня они чрезвычайно потрясли. Сразу же в радостное ликование врывались мрачные, скорбные ноты, не предвещавшие ничего хорошего. Я должен тут же отметить, что сразу же было высказано убеждение, приписывающее эти убийства немецкой агитации.

В какой мере германская рука активно участвовала в нашей революции – это вопрос, который никогда, надо думать, не получит полного, исчерпывающего ответа. По этому поводу я припоминаю один очень резкий эпизод, происшедший недели через две в одном из закрытых заседаний Временно-

---

²⁶ Милюкова Анна Сергеевна, член Конституционно-демократической партии и Лиги равноправия женщин, супруга П.Н. Милюкова. (*Примеч. ред.*)

²⁷ Речь идет о расправах над офицерами флота со стороны матросов. (*Примеч. ред.*)

го правительства. Говорил Милюков, я не помню, по какому поводу, заметил, что ни для кого не тайна, что германские деньги сыграли свою роль в числе факторов, содействовавших перевороту.

Оговариваюсь, что я не помню точных его слов, но мысль была именно такова, и выражена она была достаточно категорично. Заседание происходило поздно ночью в Мариинском дворце. Милюков сидел за столом, Керенский, по своему обыкновению, нетерпеливо и раздраженно ходил из одного конца залы в другой. В ту минуту, как Милюков произнес приведенные мною слова, Керенский находился в далеком углу комнаты. Он вдруг остановился и оттуда закричал: «Как? Что вы сказали? Повторите?» И быстрыми шагами приблизился к своему месту у стола.

Похороны убитого матросами морского офицера К 15 марта 1917 года Балтийский флот потерял 120 офицеров, из которых 76 было убито (в Гельсингфорсе – 45, в Кронштадте – 24, в Ревеле – 5 и в Петрограде – 2). В Кронштадте, кроме того, было убито не менее 12 офицеров сухопутного гарнизона. Четверо офицеров покончили жизнь самоубийством, и 11 пропали без вести

Милюков спокойно и, так сказать, увесисто повторил свою фразу. Керенский словно осатанел. Он схватил свой портфель и, хлопнув им по столу, завопил: «После того, как господин Милюков осмелился в моем присутствии оклеветать святое дело великой русской революции, я ни одной минуты здесь больше не желаю оставаться».

С этими словами он повернулся и стрелой вылетел из залы. За ним побежал Терещенко и еще кто-то из министров, но, вернувшись, они сообщили, что его не удалось удержать и что он уехал домой (в Министерство юстиции, где он тогда жил).

Я помню, что Милюков сохранил полное хладнокровие и на мои слова ему: «Какая безобразная и нелепая выходка!» – отвечал: «Да, это обычный стиль Керенского. Он и в Думе часто проделывал такие штуки, вылавливая у политического противника какую-нибудь фразу, которую он потом переиначивал и пользовался ею, как оружием».

По существу, никто из оставшихся министров не высказал ни одного слова по поводу фразы, вызвавшей негодование Керенского, но все находили, что его следует сейчас же успокоить и уговорить, – объяснив ему, что в словах Милюкова не было общей оценки революции. Кто-то (кажется, Терещенко) сказал, что к Керенскому следовало бы поехать князю Львову. Другие с этим согласились (Милюков держался пассивно, – конечно, весь этот инцидент был ему глубоко противен). Князь Львов охотно согласился поехать «объясниться» с Керенским. Конечно, все кончилось пуфом²⁸, но тяжелое впечатление осталось. Впрочем, было ли хотя одно закрытое заседание, которое бы не оставило такого впечатления. Но об этом – позже...

В этот же вечер в Таврическом дворце (3 марта) Милю-

---

²⁸ Пуф – ерунда, выдумка. (Примеч. ред.)

ков сказал мне, что на меня рассчитывают для одного из открывающихся крупных постов, и спросил, согласился ли бы я принять должность финляндского генерал-губернатора. Я сразу же и очень решительно отказался. Помимо всяких соображений личного характера, прежде всего необходимости уехать из Петербурга, мое отрицательное отношение вызывалось сознанием моей политики неподготовительности к заведыванию финляндскими делами. Я никогда ими специально не интересовался, у меня в Финляндии не было ни связей, ни даже близких знакомств, я плохо ориентировался в тамошних политических настроениях и партийных течениях.

Отказавшись от какого-либо административного поста, я сам предложил свои услуги в качестве «управляющего делами Временного правительства» – должность, соответствующая прежнему управляющему делами Совета министров. Я считал, что пост этот, с внешней стороны как бы второстепенный, в условиях нового временного государственного строя, в функционировании которого оставалось так много еще неясного и неопределенного, – приобретал особое значение. Здесь, в сущности говоря, предстояло создать твердые внешние рамки правительственной деятельности, дать ей правильную, однообразную форму, разрешить целый ряд вопросов, которые никого из министров в отдельности не интересовали. Но помимо того – не отдавая себе еще в то время отчета в той атмосфере, в которую я попаду, – связанный

тесными партийными отношениями с рядом министров, я ожидал, что в заседаниях Временного правительства мне будет предоставлен совещательный голос. Впоследствии я вернусь к вопросу о том положении, которое для меня создалось и которое привело меня, при первом же кризисе, связанном с уходом Милюкова и Гучкова, решительно заявить о своем желании покинуть пост управляющего делами.

Милюков не мог не согласиться с теми доводами, которые я ему привел. Мы с ним еще побеседовали на тему о возможных кандидатах на пост финляндского генерал-губернатора. О моем старом приятеле М.А. Стаховиче в то время еще речь не заходила, и я не знаю, кто предложил эту кандидатуру, оказавшуюся если не во всех, то во многих отношениях вполне удачной. Не помню, в тот же ли вечер, или на другое утро вопрос о моем назначении управляющим делами был решен положительно. Во всяком случае, уже в субботу, 4 марта, я присутствовал в вечернем заседании Временного правительства, происходившем в большом зале совета министра внутренних дел, в здании министерства на площади Александровского театра.

В первые дни существования Временного правительства (четверг 2-го и пятницу 3-го марта) не могло быть, конечно, речи ни о каком организованном делопроизводстве. Но какое-то подобие канцелярии пришлось импровизировать немедленно, причем дело это было поручено Я.Н. Глинке, заведовавшему делопроизводством Государственной думы.

Он воспользовался силами канцелярии Думы.

Должен, однако, указать, что запись первого – чрезвычайного важного – заседания Временного правительства, в котором оно установило основные начала своей власти и своей политики, была сделана совершенно неудовлетворительно и даже невразумительно. Когда я ознакомился с этой записью, то пришел в некоторое недоумение и сказал об этом Милюкову. Прочитав запись, он квалифицировал ее гораздо резче меня. Тогда же было условлено, что он возьмет эту запись и восстановит по памяти ход и решения первого заседания, после чего Временное правительство, проверив в полном составе журнал, подпишет его. Запись Павел Николаевич действительно взял, но за два месяца своего пребывания на посту министра иностранных дел не имел, по-видимому, необходимого досуга, чтобы выполнить эту работу. Сколько раз я ему о ней ни напоминал, он всегда смущенно улыбался и обещал в ближайшие дни заняться ею – да так и не исполнил своего обещания. Так и осталась запись неиспользованной, – кажется, он и не вернул ее. Этим объясняется, что журналы (печатные) заседаний Временного правительства начинаются с № 2.

Скажу здесь вкратце о том, как мною была организована канцелярия Временного правительства. Прежде всего, надо было разрешить вопрос о моем помощнике – о лице, на долю которого должна была выпасть значительнейшая доля черной канцелярской работы. Очевидно, таким лицом мог быть

только человек, которому бы я всецело и до конца мог доверять, а вместе с тем он не должен был быть чужд той канцелярии Совета министров, которой предстояло превратиться в канцелярию Временного правительства. Само собою разумеется, что первому из этих требований не удовлетворял тогдашний помощник (или товарищ) управляющего делами Совета министров (И.И. Лодыженского) – А.С. Путилов, которого я лично совсем не знал и который притом даже не пользовался симпатиями своих сослуживцев.

Мой выбор остановился на А.М. Ону²⁹. Я его знал с 1894 года, служил пять лет вместе с ним (с 1894 до 1899 года, когда я вышел в отставку) в Государственной канцелярии, абсолютно доверял его лояльности и его готовности отдать свои силы работе. С другой стороны, я считал, что он имеет солидный деловой опыт, занимая должность помощника статс-секретаря Государственного совета, и что он для канцелярии не будет *homo novus*³⁰. В самой канцелярии (где я нашел некоторых из бывших моих слушателей в Училище правоведения – господ Киришбаума, Фрейганга) я не предполагал встретить особенного предубеждения против себя.

---

²⁹ Ону Александр Михайлович – историк, член Исторического общества, с 1916 г. приват-доцент Петроградского университета; имел опыт работы в качестве статс-секретаря Государственного совета; в марте 1917 г. назначен помощником управляющего делами Временного правительства, а в июле 1917 г. направлен в Лондон как генеральный консул России. После революционных событий 1917 г. остался в Британии. (*Примеч. ред.*)

³⁰ Человек новый (*лат.*). (*Примеч. ред.*)

Но вместе с тем я не мог ожидать, что в те два месяца, в течение которых я работал с канцелярией, у меня установятся с нею такие исключительно сердечные отношения. Должен здесь засвидетельствовать, что в огромном большинстве своем служащие канцелярии оказались вполне на высоте своей задачи, требовавшей от них совершенно исключительной трудоспособности, добросовестности и «дискретности».

У меня остались самые лучшие воспоминания о нашей общей работе и о нашем прощании, когда я получил от них адрес, очень тепло составленный. Что касается А.М. Ону, то я не разочаровался ни в его преданности и готовности работать, ни в прекрасных качествах его ума и сердца. Должен прибавить, что наши личные отношения были все время и остались наилучшими и что кроме горячей признательности и искреннего уважения я к нему никаких чувств питать не могу. О своих намерениях по его адресу я его оповестил по телефону еще в субботу, получил от него согласие.

Предстояло еще оформить мое собственное положение. Очевидно, назначение меня управляющим делами Временного правительства было несовместимо с дальнейшим пребыванием прапорщиком. Уже в субботу, 4-го, вечером А.И. Гучков подписал приказ, коим я увольнялся по этому случаю в отставку.

В понедельник, 6-го, я в Мариинском дворце принял канцелярию. Представлял ее мне А.С. Путилов, утром посетивший меня. Он приветствовал меня речью, я ответил тоже ко-

роткой речью. Потом пришел И.Н. Лодыженский, и мы с ним довольно долго беседовали в бывшем его служебном кабинете. Все обошлось вполне корректно, доброжелательно, похорошему. Но в применении к Лодыженскому и к Путилову я впервые столкнулся с тем вопросом о материальном обеспечении ушедших в отставку чиновников, достигших более или менее высоких степеней, который впоследствии должен был причинить Временному правительству столько затруднений. Так как я не намерен, да и не мог бы, держаться в этих записках хронологического порядка, то я и коснусь сейчас этого вопроса, благо он подвернулся под перо.

Как известно, в первые дни и даже в первые недели революции и в прессе, и в разных публичных речах любили развивать наряду с темой о «бескровном» характере революции, пролившей с тех пор, в дальнейшем своем течении и развитии, такие реки крови, – еще и тему о волшебной ее быстроте, о той легкости, с какой был признан новый строй всеми теми силами, которые, казалось, были надежнейшей и вернейшей опорой старого порядка. В числе этих была и бюрократия – всероссийская, в частности петербургская.

Я припоминаю, что еще в 1905 году, на первом, после 17 октября, съезде земских и городских деятелей (в Москве, в доме Морозовой на Воздвиженке), был поставлен вопрос о коренном обновлении всей местной администрации, главным образом конечно, губернаторов, причем выставлялось соображение, что от слуг абсолютизма нельзя ожидать ни го-

товности, ни умения служить новому строю, – что они будут ему недоброжелательствовать и проявлять к нему то отношение, которое на современном революционном жаргоне получило название «саботажа». Я тогда выступал против этого предположения. Я указывал, что едва ли в нашем распоряжении имеется достаточное количество подготовленных идейных работников, способных немедленно впрячься в сложную государственную машину, – с другой же стороны, шутливо напоминая известное изречение Кукольника «прикажет государь, могу быть акушером», я доказывал, что от местных администраторов (в их большинстве, конечно) не приходится ожидать той стойкости убеждений и глубины приверженности старым началам, того упорства, которые устояли бы против властного *mot d'ordre*³¹, данного сверху (предполагая, разумеется, искренность и «подлинность» этого *mot d'ordre*).

Мне возражал тогда И.И. Петрункевич. К сожалению, я не присутствовал при этом возражении, в котором Иван Ильич, очень удачно и остроумно воспользовавшись моей цитатой, при общем смехе заявил, что он не хотел бы быть той роженицей, которую обслуживал бы такой «по Высочайшему повелению акушер», и что в данном случае участь этой роженицы была бы участью России. При всем остроумии этого возражения, оно меня не убедило. Ибо главным основанием неприемлемости старых администраторов выставлялась

---

³¹ Слово приказа (*фр.*). (*Примеч. ред.*)

не их техническая неподготовленность (много ли у нас вообще технически подготовленных людей?), а их внутреннее отношение, их настроение, – и только в этом отношении и имела смысл моя цитата. Я хотел сказать – и думаю теперь, – что огромное большинство бюрократии нисколько не заражено стремлением быть *plus royaliste que le roi*³² – оно охотно бы признало *fait accompli*³³, подчинилось бы новому порядку и никаким «саботажем» не стало бы заниматься. Конечно, и в центрах, и на местах, как тогда, в 1905 году, так и теперь, в 1917-м, были отдельные люди, которых их прежняя деятельность и совершенно определенная, яркая политическая физиономия делала и принципиально, и практически неприемлемыми для нового строя. Эти единицы и подлежали бы изъятию.

Временное правительство поступило, как известно, иначе. Одним из первых и одним из самых неудачных его актов была знаменитая телеграмма князя Львова от 5 марта, отправленная циркулярно всем председателям губернских земских управ: «Придавая самое серьезное значение в целях устроения порядка внутри страны и для успеха обороны государства обеспечению безостановочной деятельности всех правительственных и общественных учреждений, Временное правительство признало необходимым устранить губернатора и вице-губернатора от исполнения обязанно-

---

³² Более роялистом, чем король (*фр.*). (*Примеч. ред.*)

³³ Свершившийся факт (*фр.*). (*Примеч. ред.*)

стей», причем управление губернией временно возлагалось на председателя губернской управы в качестве губернского комиссара Временного правительства. Не говоря о том, что в целом ряде губерний, где председателем управы являлось лицо, назначенное старым правительством, это распоряжение сводилось к лишенной всякого смысла и основания замене одних чиновников другими, далеко не лучшими, даже и в коренных земских губерниях оно привело – во многих случаях – к явной чепухе. Председатель управы был нередко ставленником реакционного большинства, а губернатор – лицом вполне приемлемым и не обладающим никакой реакционной окраской. Временное правительство очень скоро – почти тотчас же – убедилось в том, что рассматриваемая мера была крайне необдуманной и легкомысленной импровизацией. Но что было ему делать. И в этом случае, как и во многих других, оно должно было считаться не с существом, не с действительными реальными интересами, а с требованиями революционной фразы, революционной демагогией и предполагаемыми настроениями масс. Так, всему этому была принесена в жертву вся полиция, личный состав которой (а также и жандармерии) несколько месяцев спустя естественным образом влился в ряды наиболее разбойных большевиков («рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше»).

Результатом такой политики явилось массовое увольнение и выход в отставку – добровольный или вынужденный – целого ряда высших чиновников, военных и гражданских.

К этому же приводила ликвидация ряда учреждений и, наконец, естественное прекращение работы (например, в Государственном совете). И вот ставился вопрос: как быть с этой многочисленной армией людей, очутившихся, по их собственным заявлениям, в положении «раков на мели»?

Ничтожное меньшинство этих людей не заслуживало внимания и не возбуждало симпатии – среди них были, конечно, и люди вполне обеспеченные в материальном отношении. Но подавляющее большинство представляли люди, многие годы добросовестно тянувшие бюрократическую лямку, дожившие иногда до преклонных лет, обремененные многочисленными семьями, – люди, всю жизнь бывшие совершенно чуждыми политике, но честно и усердно трудившиеся. А среди членов Государственного совета были такие люди, как Н.С. Таганцев³⁴, А.Ф. Кони³⁵ и другие, менее известные люди, но вполне почтенные и безупречные.

Теперешние хозяева положения (час которых, впрочем, уже пробил³⁶), господа большевики, конечно, не задавались никогда подобными вопросами, и самая их возможность встретила бы со стороны Лениных и Троцких откровенное глумление. Для них совершенно безразлична судьба отдель-

---

³⁴ Таганцев Николай Степанович – юрист, криминалист, теоретик уголовного права и государственный деятель. (*Примеч. ред.*)

³⁵ Кони Анатолий Федорович – юрист, судья, государственный и общественный деятель. (*Примеч. ред.*)

³⁶ Так можно было думать в апреле 1918 года... (*Примеч. авт.*)

ных людей. «Лес рубят – щепки летят» – вот удобный ответ на все. Да им и не приходится и не приходилось сталкиваться с описанными затруднениями, потому что никто, конечно, не мог быть столь наивным, чтобы обращаться к ним, ожидая от них справедливого и человеческого отношения. С совершенно спокойной совестью они выбросили на улицу весь Сенат и всю магистратуру, и трагически безысходное положение людей, работавших всю жизнь и на старости лет оказавшихся в буквальном смысле слова без куска хлеба, их нисколько не смущает.

Временное правительство было в этом положении. Не обладая якобинской неустрашимостью, в ее частом сочетании с якобинской же бессовестностью, оно оказывалось в крайнем затруднении при разрешении и общего вопроса о судьбе членов ликвидируемых учреждений, и частных вопросов о судьбе отдельных лиц.

Возьму, как одну из наиболее ярких иллюстраций, вопрос о членах Государственного совета по назначению. Среди них были люди, не имевшие никаких заслуг перед страной, назначенные по соображениям черносотенной политики, для образования реакционного большинства, – но были, как я уже упомянул, государственные люди, такие как Кони или Таганцев, а также ряд лиц, для которых Государственный совет был венцом долгой и безупречной службы в рядах администрации или магистратуры. По закону члены Государственного совета по назначению получали содержание, каж-

дый раз определяемое персонально верховной властью. Равным образом и пенсии членам Государственного совета не определены общим образом в законе. В ближайшее же время после переворота, в первые же недели, когда выяснилось с полной несомненностью, что Государственный совет, как учреждение, обречен на совершенную праздность до Учредительного собрания, причем Учредительное собрание его, конечно, не сохранит (ни вообще, ни тем более в теперешнем его виде), наиболее добросовестные и тактичные члены Государственного совета почувствовали неловкость своего положения и нравственную невозможность получать крупное содержание, не делая ничего, и возбудили вопрос об уместности подачи в отставку. При этом они считались (как мне точно известно из личных переговоров с некоторыми из них) с соображениями двоякого рода.

Временное правительство не упразднило с самого начала Государственного совета как учреждения. Потому членам по назначению, не считавшим возможным продолжать пользоваться преимуществами своего положения, приходилось бы подавать прошения об отставке, то есть брать инициативу на себя. Если бы одни подали прошения, а другие нет, получилась бы, очевидно, нелепость: на местах остались бы лица, прежде всего и более всего дорожившие своими окладами и положением, а уволены бы были наилучшие.

Кроме того, мне приходилось слышать опасения (искренности которых я не имел никакого основания не верить, при-

нимая во внимание, от кого они исходили), что подача таких прошений рядом лиц одновременно или непосредственно одними вслед за другими могла бы произвести впечатление какой-то демонстрации против Временного правительства, производимой наиболее авторитетными людьми, – а это, конечно, меньше всего входило в их намерения. Наконец, last not least³⁷, возникал вопрос о личной материальной судьбе, тревоживший всех тех, кто существовал только жалованьем и кто не мог рассчитывать ни на получение другого места, ни на частный заработок. Таких, конечно, было немало. И все они спрашивали – будет ли им назначена пенсия и в каком размере. В самом начале Временное правительство в двух случаях назначило пенсии в размере 7—10 тысяч (кажется, дело шло о В.И. Коковцеве³⁸ и об А.С. Танееве³⁹, но, может быть, здесь я ошибаюсь). И тотчас же митинговые речи перед домом Кшесинской (с первых же дней ставшим штаб-квартирой большевизма) подхватили этот факт. «Временное правительство дает многотысячные пенсии, расточая народные деньги на слуг старого царского режима». Социалистические газеты вторили этим обвинениям.

---

³⁷ Последнее, но не менее важное (*англ.*). *Примеч. ред.*)

³⁸ Коковцев (Коковцов) Владимир Николаевич – государственный деятель, дважды назначался на пост министра финансов, в 1911–1914 гг. председатель Совета министров. (*Примеч. ред.*)

³⁹ Танеев Александр Сергеевич – обер-гофмейстер Императорского двора, главноуправляющий Собственной его императорского величества канцелярией. (*Примеч. ред.*)

Мне особенно памятливы подленькие статейки господина Гойхбарта (к сожалению, одного из сотрудников «Права») в «Новой жизни». Весь этот шум произвел на Временное правительство большое впечатление. И когда, наконец, пришлось поставить во всем объеме вопрос о членах Государственного совета (так, как в связи с этим печать и митинги завопили по поводу того, что члены Государственного совета продолжают получать содержание), правительство потратило целых два заседания на обсуждение его – и не могло придти ни к какому определенному решению. Некоторые из членов Государственного совета, соответственно их собственному желанию были назначены в Сенат (и получили, стало быть, сенаторские оклады). Судьба других так и осталась – при мне – неразрешенной. Были ли впоследствии приняты какие-нибудь общие меры, я не знаю.

Припоминаю в связи с этим эпизод, произведший на меня крайне грустное впечатление. Н.С. Таганцев, с которым меня связывали двадцатилетние дружеские отношения, как-то попросил меня (по телефону) побывать у него. Оказалось, что он хотел лично мне передать собственноручно им написанное прошение об отставке и о назначении ему пенсии (впоследствии он был назначен в Первый департамент Сената и был председателем того отделения, в которое я зачислился; об этом – позже). Передавая мне бумагу, он не мог сдержать своего волнения и всхлипнул. «Да, голубчик, очень тяжело! – сказал он. – Ведь я всю жизнь ждал осуществле-

ния нового строя. Все, чего я достиг – я, сын крестьянина, записавшегося в купцы третьей гильдии, чтобы дать мне образование, – всего этого я достиг только своим трудом, я никому ничем не обязан. И вот теперь – я оказываюсь никому не нужным и возвращаюсь в первобытное состояние».

Сюда же относится и другой эпизод. Героем его был малопочтенный человек – Линский, товарищ и в свое время правая рука финляндского генерал-губернатора, имевший репутацию одного из наиболее воинствующих бобриковцев⁴⁰. Революция его совершенно выбросила за борт, он, помнится, даже был вначале арестован и вывезен из пределов Финляндии. Политическая его физиономия была такова, что о назначении ему какого-нибудь оклада нельзя было и мыслить. Меня он знал потому, что в конце 90-х годов он служил в Государственной канцелярии. И вот – начались его посещения. Он рассказал мне, что положение его совершенно безвыходное. Жене его предстояла какая-то тяжелая операция, ее приходилось поместить в санаторий, – у него в Петербурге не было пристанища, «мы ютимся у знакомых», поиски частной службы оказались тщетными. Он умолял меня помочь, посодействовать тому, чтобы ему назначили сенаторское жалованье (он был сенатором).

---

⁴⁰ Бобриковец – сторонник Николая Ивановича Бобрикова, бывшего генерал-губернатором Финляндии в 1898–1904 гг. Бобриков считался «русификатором» и в 1904 г. был смертельно ранен финским националистом. (*Примеч. ред.*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.